УДК 330.101

М.И. Воейков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ОТ КЛАССИКИ К ПОСТКЛАССИКЕ

В статье исследуется роль политической экономии в системе современного экономического знания.

Ключевые слова: *политическая экономия, экономическая теория, рыночная экономика.*

Постановка проблемы. Переименование многих бывших кафедр «политической экономии» в кафедры «экономической теории» носит в большинстве случаев поверхностный, конъюнктурный характер. Там же, где в действительности отказались от политэкономии, преподавание свелось к пересказу компиляций из западного экономикса, имеющего мало отношения к реальной российской экономике. Отказ от понятия «политическая экономия» надолго дезориентирует отечественных экономистов и преподавателей, в конечном счете окончательно сведет русскую экономическую мысль к моделям западного экономикса.

К сегодняшнему дню у нас и так очень много всего переименовали и изменили. Далеко не все оказалось к лучшему. И в случае переименования «политической экономии» следует поступать осторожно: семь раз отмерить. Прежде всего следовало бы спросить об этом научную и преподавательскую общественность. Необходимо провести серию «круглых столов», семинаров, наконец, научную конференцию.

В отказе от термина «политическая экономия» просматривается исключительно политический ход: пересмотреть все, что было раньше. Но глупо отказываться от старого только в угоду новому экстремизму.

Проблема, видимо, состоит в том, чтобы определить место и роль политической экономии в системе современного экономического знания. Возможно, и более широко – в системе социального знания, т. е. беря политическую экономию как особый метод познания действительности.

Анализ последних исследований и публикаций. В XX в. появляется целый ряд трудов, посвященных данной проблеме, в частности, это работы И. Рубина [4], Н. Бухарина [1], Р. Люксембург [3], М. Туган-Барановского [5], Р. Гильфердинг [2].

Целью статьи является определение места и роли политической экономии в системе современного экономического знания.

Результаты исследования. Отмена и почти запрещение политической экономии как научной и учебной дисциплины внесло некоторую растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов и экономтеоретиков, которые в большинстве своем – те же самые политэкономы. Многие с кислым выражением принялись осваивать западный «экономикс», некоторые исподтишка втискивают в него старые, проверенные жизнью и опытом политэкономические категории, некоторые отчаянно сопротивляются. У большинства стоит в душе стон: верните нам политическую экономию!

Почему стон? Конечно, этому есть много причин. Назову, может быть, главную. Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний – что и как надо делать в народном хозяйстве, но, прежде всего, помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества. Со всей очевидностью это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами. С тех пор политическая экономия в российской традиции несёт мировоззренческую или философскую нагрузку.

Конечно, это не только русская традиция. И «на Западе» политэкономия выполняла эту функцию. Но сегодня «на Западе мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим социальным наукам, прежде всего – к социологии. Возьмем книги известных западных социологов: Д. Белла, И. Валлерстайна, Р. Дарендорфа, Л. Туроу и др. – это с нашей точки зрения типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем книги наших поли-

© *М.И. Воейков, 2012*

тэкономов: Л. Абалкина, А. Бузгалина, В. Медведева, Д. Сорокина и даже В. Иноземцева, с западной точки зрения – это типичные социологические работы.

Таким образом, хотя социология у нас интенсивно развивается больше 50 лет, но до мировоззренческих обобщений она пока не поднялась. Эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. И естественно, что отмена политической экономии разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку. Вместо «дерева» экономической науки получается «сад камней» (по выражению О. Ананьина).

Конец классической политической экономии «на Запада», конечно, не есть происки «классовых врагов», а есть объективный процесс изменения западного мира и рыночной экономики прежде всего. Политическая экономия, как известно, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. И дело в том, что эта форма в современном западном обществе истончается и трансформируется, соответственным образом трансформируются функции политической экономии. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. А еще в начале XX в. С. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономии. Сегодня его содержание существенно меняется. Меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег выбивает объективную основу из-под рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становиться не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги – это предмет политической экономии или политологии? То же и в отношении социальных классов, которые, по выражению Ж. Деррида, оказались разрушенными капиталистической современностью.

Однако утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается тем не менее надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т. п. Например, проблема материального производства. Известно, что в сфере материального производства занято все меньше и меньше людей. Как-то Р. Дарендорф представил расчет, по которому выходило, что в типичной стране ОЭСР на работу в материальном производстве тратится лишь 1% всего годового объема времени всего населения страны. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия занимается материальным производством (его вещной формой), но исчезновение последнего должна объяснять политическая экономия. Сохраняется ли индустриальное ядро (В. Маевский) в современной экономике? Если нет, то как вообще можно представить себе экономику? Может ли быть «общество знаний» без промышленности?

Возможно, ответ на эти вопросы лежит в проблеме сужения докапиталистической периферии. Капитализация мировой деревни (и третьего мира в целом) раздвигают поле политэкономического исследования на периферию капиталистической миро-системы. На место этнографии приходит политическая экономия, которая призвана решить (или объяснить) проблему накопления и перемещения капитала от центра к периферии и возможности реализации прибавочной стоимости (Р. Люксембург).

Но в политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. Приведем некоторые названия работ в этой

области: политическая экономия пространства, политическая экономия выбора (общественного выбора), политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии и т. п. Таких работ множество, не все они удачны, но характерная их особенность состоит в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Еще в начале XX в. М. Туган-Барановский предусматривал, что в пострыночном обществе политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики. Любопытно, что в СССР с конца 1920-х гг. стала развиваться концепция политической экономии «в широком смысле» как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии» Дж. Бьюкенена.

Пожалуй, самое важное. Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая, то что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики, получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. Т. е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии (Ж. Бодрийяр) или богатством становятся самопредставляемые вещи (М. Фуко). Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами (В. Ленин) и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага («опекаемые блага», А. Рубинштейн), для которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической.

Марксизм служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну, даёт толчок, начинает другую. Марксизм объявил и объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве (Н. Бухарин, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, И. Рубин и др.). Постмарксизм (Д. Лукач, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) объясняет появление постклассической экономии.

И еще. Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что в общем и целом она была взращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX в. чтобы выглядеть современно и умно надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был И. Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (Є. Преображенский, И. Рубин и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом – дело осталось за политической экономией.

Но речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. К. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм.

Иногда говорят, что российская традиция политэкономии начинается со Шторха. Почему же ни у Туган-Барановского, ни у Струве, ни у Булгакова и других авторов про Шторха вообще ничего нет. В знаменитой книге Тугана «Основы политической экономии» есть одна сноска на Heinrich(a) Шторха как на статистического описателя хозяйственного строя в России. Причем дается ссылка на его статистический труд «Historisch-statistische Gemalde des russischen Reichs», его же «Курс политической экономии», вдруг ныне ставший модным, Туган вообще не упоминает. Что и кому Шторх преподавал? Он даже русского языка не знал. Мы же говорим о российской традиции в политической экономии. Считать Шторха основоположником русской политэкономии также нелепо, как И. С. Тургенева французским писателем лишь на том основании, что последний значительную часть жизни прожил во Франции. Но главное другое. Как в стране может появиться наука, если предмета в этой стране еще нет? Шторх написал свои труд на французском языке в 1815 г., т. е. за 46 лет до отмены крепостного права.

Капитализм как общенациональная система в России стал складываться лишь в последней четверти XIX в., но так и не сложился. Как можно иметь науку, которая описывает капиталистические производственные отношения, когда таковых в стране еще не было? Не понятно.

В этой связи я хочу поддержать тезис А.А. Пороховского, что при рабовладении и феодализме «общественный продукт фррмировался на уровне домохозяйств, а не общенационального. Поэтому не было и объекта для политэкономии». Действительно, предмет политической экономии появляется тогда, когда городской или деревенский рынок становиться общенациональным. Политэкономия изучает рыночное хозяйство.

Проблема, видимо, состоит в том, чтобы определить место и роль политической экономии в системе современного экономического знания. Возможно, и более широко – в системе социального знания, т. е. беря политическую экономию как особый метод познания действительности.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, данная проблема распадается на две части или задачи.

А. Проблемная часть. Традиционно в советской экономической науке специальные подразделения с аналогичным названием, как правило, исследовали более или менее общие проблемы с точки зрения политической экономии, т. е. использовали последнюю как метод исследования отдельных, конкретных проблем. Такой подход, хотя и чрезмерно расширял задачи политэкономии, вовлекая в свой круг исследований слишком большой набор различных проблем, но для своего времени был оправдан. Это напоминало времена, когда политэкономия отождествлялась со всей экономической наукой. Сегодня такой подход малопродуктивен, ибо множество экономических категорий (цена, рента, деньги, труд и т. д.) в политэкономическом отношении достаточно исследованы и ныне, в основном, являются предметом инструментальных исследований (макро- и микроэкономик, менеджмента и т. п.). Конечно, категории сугубо рыночной экономики продолжают развиваться (трансформироваться), что вполне может быть предметом политэкономического исследования.

Но появляется новый класс проблем на границе рынка и нерынка (квазирынка), исследование и осмысление которых может составить новое проблемное поле собственно политэкономического исследования. Значит, изменяется проблемное поле политэкономического исследования. Отказываться от проблемного подхода нет смысла, ибо пока еще остались и появляются новые существенные проблемы, требующие политэкономического анализа. Выделение и исследование этого круга проблем, думается, и может быть новой задачей политэкономии.

Б. Синтетическая (методологическая) часть. Кроме того, или прежде того, новые времена требуют возвратиться к уяснению места полиэкономии в системе общественных наук, т. е. к уточнению ее границ и метода. Вопросы предмета и метода самой политэкономии в советской парадигме считались решенными и за весь послевоенный период научно не разрабатывались. За исключением некоторых второстепенных вопросов. Например, в какой мере включать производительные силы в предмет политэкономии. Однако считать, что роль политической экономии с XIX в. никак не изменилась просто не реально. Но вот в чем и как изменилась эта роль – еще одна задача сектора политической экономии. Возможно, даже главная.

Использование термина и понятия «политическая экономия» является отечественной научной традицией. Наверное, начиная с Н. Чернышевского, общетеоретические экономические исследования в России развивались как политэкономические. К этому кругу понятий привыкли отечественные исследователи, за более чем 150-летний период выработан понятийный аппарат, инструментарий, набор категорий и понятий.

Список использованной литературы

1. Бухарин Н.И. Избранные произведения / Н.И. Бухарин. – М.: Экономика, 1990. – С. 82–84.

2. Гильфердинг Р. Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса / Р. Гильфердинг // Основные проблемы политической экономии: сб. статей; под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. – М.: Госиздат, 1922. – С. 108.

3. Люксембург Р. Введение в политическую экономию / Р. Люксембург. – М., 1960. – С. 93.
4. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса / И.И. Рубин. – М. – Л, 1929. – С. 308.
5. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 3-е изд. / М.И. Туган-Барановский. – Петроград, 1915. – С. 20.

У статті досліджується роль політичної економії у системі сучасного економічного знання.

Ключові слова: *політична економія, економічна теорія, ринкова економіка.*

In the article the function role of political economy in the system of the modern economic knowledge is discovered.

Key words: *political economy, economic theory, market economy.*

Надійшло до редакції 15.06.2012.